

my beloved Jamila!" Daniyar whispered, calling her by every loving Kazakh and Kirghiz name. "I, too, have loved you for a long time. I dreamed of you in the trenches and I knew that my love was in my native land. It was you, my Jamila!"
[6]

In conclusion it can be said that the concept "love" is a complex interweaving of cognitive, moral and general cultural aspects and takes an important place in the language picture of the world of English and Russian native speakers. The concept "love" plays a crucial role in the story "Dzhamilya" by Ch. T. Aytmatov. The author uses different linguistic means to express this concept. Both verbal designations of love and non-verbal signs of love function in the analyzed text. They are adequately translated into English as the concept "love" exists both in Russian and in English linguoculture. Being one of the basic concepts of human life it possesses diverse language means of expression that can be used to produce satisfactory and acceptable translation. Love feelings presented in literary texts in the form of lexemes and word combinations, when translated into English and Russian are characterized by the selection of equivalent vocabulary.

Литература:

1. Балашова Е.Ю. Концепты *любовь* и *ненависть* в русском и американском языковых сознаниях: дис. ... канд. филол. наук. Саратов. 2004. 262 с.
2. Воркачев С.Г. *Любовь как лингвокультурный концепт*. Москва. 2007. 284 с.
3. Гибадуллина Л.З. Объективация концептов «любовь» и «семья» в татарской и русской языковой картине мира (на материале современной женской прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тобольск. 2012. 24 с.
4. Широкова И.А. Эмоциональный концепт "любовь" в идиостиле А.С. Пушкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень. 2006. 25 с.
5. Айтматов Ч.Т. Повести. Фрунзе. 1985. 368 с.
6. Aytmatov Ch.T. Dzhamilya // <https://archive.org/details/Jamila-English-ChingizAitmatov>
7. Oxford Dictionary of English, 3rd Edition. Oxford University Press, 2010 (OxfordDictionary (En-En) (для ABBYY Lingvo x5))

Кузьмина Р.И.

ИНТЕРТЕКСТ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

На протяжении веков Библия как религиозный документ оказывала воздействие на развитие архитектуры, музыки, литературы. В настоящее время Библия рассматривается не только как религиозная, но и эстетическая система. Библейские тексты находят отражение в литературе, способы обращения писателей к этому художественному источнику различны: от обращения к известным образам, многочисленным фразеологизмам, до построения предложений, которые условно можно было бы назвать «стилистическим ключом» художественного произведения.

Традиционно, когда речь заходит о взаимодействии текстов или интертекстуальности – теме, ставшей весьма популярной среди исследователей искусства слова в XX веке, имена Р. Барта и Ю. Кристевой звучат прежде всего, хотя к этому вопросу обращались М.М.Бахтин, Ю.Лотман и другие исследователи.

В работе «Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По» Ролан Барт писал, что «текст подлежит наблюдению не как законченный, замкнутый продукт, а как «подключение к другим текстам, другим кодам (сфера интертекстуальности), связанное тем самым с обществом, с историей ... отношениями цитации» [2]. Таким образом, Р. Барт рассматривал текст как пространство, где идет процесс образования значений, то есть процесс означивания. Поэтому, с точки зрения Р. Барта, анализ текста не ставит целью описание структуры произведения; он видится в том, чтобы проникнуть в смысловой объем произведения. Целью при этом является вообразить, пережить множественность текста, поскольку «основу текста составляет не его внутренняя, закрытая структура ..., а его выход в другие тексты, другие области культуры, поскольку текст существует в силу межтекстовых отношений или интертекстуальности» [2, 428].

Вопрос о взаимодействии художественных текстов, едва ли можно обойти вниманием при изучении курсов истории литературы и культуры на гуманитарном факультете. Внимание к феномену интертекстуальности при изучении курсов литературы и языка позволяет обратить внимание студентов на своеобразие художественных текстов разных эпох, отражение языка и стиля художественных произведений более ранних периодов в современных произведениях, на особенности создания средств выразительности в художественном произведении, способствуя более глубокому восприятию литературы как культурного явления.

Взаимодействие текстов различных эпох ведет к расширению культурного фона художественных произведений. Библейские фразеологизмы, аллюзии, цитаты, образы и даже принцип построения

предложений, ведут к углублению художественного своеобразия произведения.

Обращение к многочисленным библейским фразеологизмам дает возможность вспомнить, что за каждым из них стоит история, или образ, которые часто можно назвать «стилистическим ключом» произведения. Такие фразеологизмы как тридцать сребреников, блудный сын, глас вопиющего в пустыне, такие имена как Фома неверующий, Иуда и множество других, на протяжении веков присутствовавших в культурном сознании народов, ведут к более глубокому восприятию упоминаемых образов в современных художественных текстах. Одна фраза из Библии создает широкий фон для восприятия изображаемого действия.

Название романа американского писателя Эрнеста Хемингуэя «The sun also rises» [9] – «И восходит солнце» (1926) – аллюзия, отсылающая читателя к строкам из книги Екклесиаста: «*Восходит солнце, и заходит солнце*» (1: 5). На фоне слов о бесконечной сменяемости поколений на земле, взятых в качестве эпиграфа: «*Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после*» (1: 11), жизнь героев романа, действие которого происходит в период после первой мировой войны, приобретает пессимистический колорит бессмысленности.

Имя библейского персонажа ставшего названием романа, «Авессалом, Авессалом!» (1936) [8], американского писателя Уильяма Фолкнера – аллюзия, ассоциативно отсылающая восприятие произведения к библейскому тексту. Американский писатель однажды сказал: «Я получаю удовольствие, наблюдая за действиями странных персонажей Ветхого Завета, чьи поступки так похожи на поступки людей XX века». “I am getting pleasure, observing strange heroes of the Old Testament, whose deeds are so close to the deeds of people of XX century.” [1]

Каким образом роман, действие которого происходит в США в первой половине XIX века, одной из основных тем которого является расовая сегрегация, отсылает восприятие читателя к библейскому тексту? Не только имя персонажа, давшее название роману У.Фолкнера «Авессалом, Авессалом!», но и сюжетная параллель, ассоциативно ведут к библейскому тексту.

Согласно библейскому повествованию, сын царя Давида Авессалом убил своего брата по отцу Амнона, за то, что он изнасиловал его сестру. Желая власти, Авессалом восстал против своего отца Царя Давида. Царь отправил войска на подавление восстания, приказав при этом не убивать сына. Авессалом, запутавшийся волосами в ветвях дерева, не смог убежать и был убит. Царь Давид, оплакивая смерть сына, говорил: «*Сын мой Авессалом! Сын*

мой, сын мой Авессалом! о, кто бы дал мне умереть вместо тебя...» (2-я кн. Царств, 18: 33) – “...was deeply moved ...and wept: “O my son Absalom – my son, my son Absalom – if only I had died in your place!” (II Samuel, 18: 33).

Герой романа Фолкнера Томас Сатпен, сын бедняка из Западной Виргинии был отправлен с посланием к богатому американцу. Одетый в ливрею, темнокожий лакей не позволил ему войти с парадного входа, заставив войти через черный ход. Оскорбленный подросток дает клятву обрести богатство и создать свой семейный клан. Убежав из дому, Сатпен нанимается на работу надзирателем над рабами к плантатору, и позднее женится на его дочери, не зная о том, что в ней есть доля негритянской крови. Узнав об этом, Сатпен бросает Евлалию, родившую сына. Он отправляется в Миссисипи, по-прежнему стремясь осуществить свою мечту. Купив кусок плодородной земли, Сатпен женится на дочери местного торговца, родившей ему двоих детей – Юдифь (имя героини неканонической библейской книги) и Генри. Поступив в университет, сын Сатпена – Генри встречает своего сводного брата Чарльза Бона, который на 10 лет старше его, они становятся друзьями, но они не знают, что они сводные братья. Чарльз влюбляется в свою сестру по отцу и хочет жениться на ней. Сатпен рассказывает Генри, что Чарльз его сводный брат. Генри убивает Чарльза и бежит. Жена Сатпена умирает, и он предлагает ее сестре Розе жениться на ней при условии, что она родит сына. Получив отказ, Сатпен сходится с внучкой бездомного скваттера Уоша Джонса – Милли. Когда она рождает дочь, Сатпен бросает ее. Отец Милли убивает его. Гордыня Сатпена, стремление добиться богатства и значимости, а также расовые предубеждения становятся причиной гибели Томаса Сатпена.

Не только название, но и стиль предложений в отдельных местах романа намекают на сюжетное сходство с библейским текстом. В нескольких местах в тексте романа У.Фолкнер использовал структуру предложений характерную для библейских текстов, подчеркивая, таким образом, сюжетное взаимодействие:

“It seems that this demon – his name was Sutpen – (Colonel Sutpen) – Colonel Sutpen. Who came out of nowhere and without warning upon the land with a band of strange niggers and built a plantation... And married her sister Ellen and begot a son and her daughter which... should have been the jewels of his pride and the shield and comfort of his old age ... Only they destroyed him or something or he destroyed them or something. And died) – and died.” [8].

“Кажется, что этот демон – имя которого Сатпен – (полковник Сатпен) – Полковник Сатпен, который появился на земле ниоткуда и без предупреждения с бандой странных нигеров и создал плантацию... И женился

на ее сестре Элен и родил сына и дочь ... Которые должны были бы быть его гордостью, и защитой, и утешением в старости...» [7].

Обратившись к структуре библейского текста, мы можем увидеть стилистическое сходство:

“Then God said, “Let there be light” and there was light. And God saw the light, that it was good; and God divided the light from the darkness.” (Genesis, 1:3-4)

«И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы» (Бытие, 1:3-4).

Такая параллель со структурой определенных отрывков из библейского текста, являясь одним из видов реализации интертекста, усиливает нарративно-эпическое звучание текста.

Имена, фразы, построение текста, сюжетные параллели создают ассоциативный фон повествования, отсылающий к библейскому тексту, что ведет к более глубокому звучанию художественного произведения. Роман Фолкнера не только произведение о характере гордеца и его трагедии, это роман, затронувший проблему расовой сегрегации, а взаимодействие текстов возводит восприятие произведения до осознания судьбы человека в истории страны, добавляя колорит эпического характера. Восприятие произведения в параметрах интертекстуальности происходит через общность средств художественной выразительности в целом, и в таком понимании вышеупомянутые элементы произведения являются составными частями его стиля.

Библейский текст – интертекстуальная составляющая и романа Джеймса Джойса «Улисс» [10; 5], в котором перед читателем предстает не просто описание одного дня из жизни Леопольда Блума. «Улисс» – не есть роман одного героя. В романе несколько героев, которых Блум встречает на протяжении этого дня. «Улисс» – это еще и роман, раскрывающий характеры персонажей через поток их сознания.

Библейские ассоциации, аллюзии и образы, возникающие в сознании основного персонажа романа Леопольда Блума, свидетельствуют о его религиозной принадлежности – католик. Возникающие в его сознании весьма вольные аллюзии на известные события есть способ изображения его характера. Стоящий на кладбище во время похорон знакомого, Блум, думает: *“...those Jews they said killed the Christian boy”* [10] – намек на убийство Христа, а затем в его сознании возникает жесткая мысль: *“everyone his price”* [10] «каждому – свое» [5] и у читателя появляется осознание суровой прагматичности Блума. В этом же эпизоде, стоящий на кладбище Блум,

вспоминает сцену похорон Офелии в пьесе Шекспира «Гамлет», что говорит о его образованности.

Как и в тексте вышеупомянутого романа У.Фолкнера «Авессалом, Авессалом!», некоторые предложения в романе Д. Джойса стилистически построены по тому же принципу, что и определенные места в Библейском повествовании.

«I was thinking of so many things / he didn't of Mulvey / ...and the sailors / playing all birds fly / and I say stoop / and washing up dishes / they called it on the pier / and sentry in front of the governor with the things round his white helmet / poor devil half roasted / and the Spanish girls / laughing in their shawls and their tall combs / ... and the fowl market / all clucking outside Larby Sharons / and the poor donkeys /slipping half asleep / and the vague fellow in the cloaks in the shade of the steps / and the big wheels of the carts of the bulls ... [10]

И вспоминала обо всем, чего он не знал / Малви / ... и матросов на пирях / играющих в птички летят / и в замри / и в мытье посуды / как они это называли / и часового перед губернаторским домом в белом шлеме с околышем / бедняга чуть не расплавился / и смеющихся испанских девушек в шальях с высоким гребнями в волосах / ... и кудахчущий птичий рынок неподалеку от Ларби Шерона / и бедных осликов / плетущихся в полудреме / и неведомых бродяг в плащах / дремлющих на ступеньках в тени / и огромные колеса повозок, запряженных волами ... [5]

Аллюзии на библейский текст возникают не только в мыслях Леопольда Блума, но и других персонажей романа, отражая характер персонажа. Ирландия – страна, исповедовавшая католическую религию. Ассоциация Быка Маллигана, с которым Стивен Дедалус ночевал в башне Мартелло – ироническая аллюзия на евангельский текст:

*Resigned he passed out with grave words and gait, saying, wellnigh with sorrow: – **And going forth he et bitterly** [10].*

*Отрешенный и важный он проследовал к порогу, не без прискорбья сообщая: **И пойдя вон плюхнулся с горки** [5].*

Ср.: Евангелие от Матфея (26:75): *«И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: «прежде чем пропоет петух, трижды отречешься от Меня». **И выйдя вон плакал горько**».*

Цитаты из Библии не раз использовались в качестве эпиграфов в современной англоязычной литературе. Курт Воннегут в качестве эпиграфа к роману «Завтрак для Чемпионов» (1973) [4] ввел слова Иова, персонажа Библейской книги «Иов», ассоциативно комментируя идейный замысел романа.

Сатана, чтобы испытать верность Иова Богу, насыляет на него суровые испытания: от утраты скота, имущества, семьи до проказы. Иов уверен в своей преданности Богу: *“When he hath tried me, I shall come forth as gold”* (Job, 23: 10). *«Он знает путь мой, пусть испытает меня, выйду как золото»*. Знание этого библейского сюжета, помогает понять саркастическое звучание романа Воннегута. Абсурдность существования человеческого общества – вот на что обрушился писатель. При первом впечатлении роман производит впечатление повествования о весьма странных, если не сумасшедших персонажах и не менее странных сюжетов фантастических романов героя романа – Килгора Траута. Эпиграф же – строка из текста об Иове призывает читателя взглянуть на парадоксальность существования человечества на Земле и произведение воспринимается как иллюстрация неразумности жизни человечества, изображенную писателем в специфической жанровой форме – антиромана.

Аллюзии на библейский текст существуют в художественных произведениях и как средство создания парадокса. Смертный грех мастер парадоксов – Оскар Уайльд – превратил в смертную добродетель. В романе «Портрет Дориана Грея» читаем: *Ugliness is one of the seven virtues*, ... [11,101]. *«Уродство – одна из семи смертных добродетелей»* [6, 91].

Текст романа современного триллера «Код Да Винчи» [7; 3] Дэна Брауна, представляет собой переплетение текстовой ткани современной детективной истории и постоянного обращения к библейским текстам и персонажам. Остановимся только на сюжетной линии, связанной только с персонажем романа по имени Сайлас – Silas. В русском варианте Библии это имя пишется – Сила. Оно неоднократно упоминается в Библейских текстах. (Деян.15:22, 27,32, 34, 40, 16:19, 25, 29. 17:4, 10, 14,15).

Автор романа не только называет своего «антигероя» именем библейского персонажа, но и проводит некоторую сюжетную параллель между историей Сайласа и проповедником из книги Деяний, также оказавшимся жестоко избитым.

Библейский Сила – проповедник, оказавшись в тюрьме, избит теми, кому проповедовал. Сайлас в романе Д.Брауна – изначальный убийца, избит в вагоне поезда, куда он сел, сбежав из тюрьмы. Но и Сила, и Сайлас становятся свободными в результате землетрясения – событие, играющее роль параллели.

Деяния Апостолов (16: 26): *Suddenly there was a great earthquake, so that the foundations of the prison were shaken; and immediately all the doors were opened and everyone's chains were loosed.*

«Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, у всех узы ослабели», –

вспоминает эти строки из Библейского повествования Сайлас, ставший монахом.

Избитого Сайласа, героя романа Брауна, подобрал епископ Арингароса, занятый поисками священного Грааля. Став монахом, Сайлас однако верит, что убийства он совершает во имя благой цели, и парафраз стиха из Псалма 50, который он напевает, подчеркивает контраст, между окраской и сущностью персонажа:

“Purge me with hyssop and I shall be clean; Wash me and I shall be whiter than snow.” [7].

«Омой меня иссопом и снова буду чист я. Омой меня благодатью своей и стану я белее снега» [3].

Достаточно часто автор романа использует символику: это печать Соломона, галстучная булавка, которую носит капитан полиции Фаш, выполненная в форме серебряного распятия и украшенного тринадцатью вкраплениями, камушками из черного оникса – христианская идеограмма Христа и 12 апостолов. Зловещий символ Сатаны число 666, упоминаемый в Третьей Книге Царств, также присутствует в романе Брауна.

“The weight of gold that came to Solomon yearly was six hundred and sixty talents of gold.” (III Kings, 10:14),

«В золоте, которое приходило к Соломону каждый год, весу было шестьсот шестьдесят шесть талантов золотых».

В книге Откровение Иоанна Богослова (13:18): *“Here is wisdom. Let him who has understanding calculate the number of the beast ... His name is 666.”* «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя... Число его шестьсот шестьдесят шесть». В данном случае под словом «зверь» подразумевается сатана.

Анализ литературных произведений с позиции интертекста позволяет понять, каким образом аллюзия, образ, цитата, стиль выполняют роль художественного средства, отсылающего текст художественного произведения к более древнему тексту, расширяя культурный фон современного художественного произведения, его эстетическую значимость как культурного феномена.

Литература:

1. Анастасьев Н. Фолкнер. Очерк творчества. Москва, 1976. 224 с.
2. Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. Пер.с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 424 - 460
3. Браун Д. Код Да Винчи. Москва: АСТ: Астрель, 2013. 542 с. Перевод – Н.В. Рейн

4. Воннегут К. Завтрак для чемпионов. Изд-во «АСТ». 2017. 288 с. Перевод – Р. Райт-Ковалева
5. Джойс Д. Улисс. Москва, 2013. 928 с. Перевод – В. Хинкис и С. Хоружий
6. Уайльд О. Портрет Дориана Грея. СПб. Изд-во «Азбука-классика». 2005. 256 с.
7. Фолкнер У. Авессалом, Авессалом! // Собрание сочинений: в 6 томах. Том 2. Москва, 1985. 687 с.
7. Brown J. The Da Vinci code. Anchor. 2009. 597 с.
8. Faulkner W. Absalom, Absalom! New York. Modern Library. 1951. 378 p.
9. Hemingway E. The sun also rises. Scribner. 2006. 251 p.
10. Joyce J. Ulysses. Everyman's Library. 1997. 1144 p.
11. Wilde O. The picture of Dorian Gray. Dover Publications. 1993. 176 p.

Кыдыралиева Д.М., Хамилова С.

ПЕРЕВОД ИНФОРМАЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ТЕКСТА ИНСТРУКЦИЙ О БЕЗОПАСНОСТИ ПассажиРОВ Авиалайнеров BOING И AIRBUS

На сегодняшний день авиационные тексты представляют колоссальный интерес, так как авиационная промышленность стала одной из крупнейших отраслей в современном мире, особенно гражданская авиация. Полеты стали неотъемлемой частью жизнедеятельности человека. Поэтому безопасность пассажиров на авиалайнерах очень важна для любой авиакомпании.

Литература фирм *Boing* и *Airbus* выпускается исключительно на английском языке, причем переводы на какой-либо другой язык мира запрещаются, иначе компания не несет ответственность за безопасность на борту авиалайнера, так как конструкторы не могут проверить правильность и достоверность каждого перевода [8, 101]. Тем не менее переводы для обеспечения безопасности пассажиров реализуются в этой сфере, а именно переводы инструкций (*safety information card* или *air safety card*) на борту любого авиалайнера в любой стране.

Перед каждым полетом на борту авиалайнера экипажем воспроизводится вводный инструктаж для обеспечения безопасности пассажиров во время полета и в случае непредвиденной ситуации. Существуют специальные инструкции в устной и письменной формах, содержащие вербальные и невербальные компоненты текста.